

МОНИКА
МАККАРТИ

Плененный
любостью

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Monica McCarty

THE ARROW

Перевод с английского *Н.А. Аниськовой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books,
an imprint of The Random House,
a division of Random House LLC. и литературного агентства
Nova Littera SIA.

Маккарти, Моника.

М15 Плененный любовью : роман / Моника Маккарти ; [пер. с англ. Н.А. Аниськовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-110489-4

В дни, когда король Роберт Брюс сражается с английскими захватчиками за независимость родной Шотландии, ни один воин не лишней... Особенно такой прославленный, как легендарный лучник Грегор Макгрегор по прозвищу Стрела. Однако настоящая опасность, как выяснилось, ждет отважного горца не на поле битвы, а дома... где его подопечная, маленькая сиротка Кейт Киркпатрик, за годы, которые он провел на войне, превратилась в необычайную красавицу, безумно влюбленную в своего опекуна и всерьез намеренную стать его женой. Раньше неисправимый холостяк Грегор успешно избегал женских сетей. Но на сей раз он и сам не уверен, хочет ли оставаться свободным и одиноким — или готов сдаться в плен без единого выстрела...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Monica McCarty, 2014
© Перевод. Н.А. Аниськова, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-110489-4

Хайлендская гвардия

Тормод Маклауд по прозвищу Вождь: предводитель и мастер фехтования

Эрик Максорли по прозвищу Ястреб: мореплаватель и пловец

Лахлан Макруайри по прозвищу Змей: маскировка, проникновение и похищение

Артур Кэмпбелл по прозвищу Странник: разведка и рекогносцировка

Грегор Макгрегор по прозвищу Стрела: снайпер и лучник

Магнус Маккей по прозвищу Святой: специалист по выживанию и оружейник

Кеннет Сазерленд по прозвищу Лед: взрывотехника и маневры

Йен Маклин по прозвищу Гарпун: стратегия и пиратский бой

Юэн Ламонт по прозвищу Охотник: следопыт и охотник за головами

Роберт Бойд по прозвищу Налетчик: сила и рукопашный бой

А также **Хелен Маккей** (в девичестве Сазерленд) по прозвищу Ангел: целитель

Предисловие

В году Господа нашего тысяча триста двенадцатом... В течение шести лет Роберт Брюс* и его тайный отряд элитных воинов, известных как Хайлендская гвардия, вели новый вид боевых действий против англичан, пытавшихся сорвать корону с головы короля Роберта и сделать Шотландию вотчиной английского монарха.

Чтобы победить самую могущественную армию христианского мира, превосходившую числом, оружием и боевыми навыками, Брюс оставил рыцарский стиль боя и стал использовать «пиратский» метод борьбы диких воинов гор и Западных островов. Подобно древним норманнам, пришедшим на берега Британии сотни лет назад, Брюс пробуждал ужас в сердцах врага внезапными атаками, засадами и выжженной землей, не оставляя за собой ничего, ради победы на Шотландской земле.

Но английские гарнизоны, оккупировавшие наиболее стратегически выгодные крепости и замки Шотландии, и отсутствие достаточного количества доступного оружия заставляли Брюса быть более изобретательным, использовать хитрость, вероломство и особые навыки членов Хайлендской гвардии, чтобы отвоевать утраченное.

* Роберт Брюс (*англ.* Robert the Bruce, *гэльск.* Roibert a Briuis (1274—1329) — король Шотландии (1306—1329), один из величайших шотландских монархов, организатор обороны страны в начальный период войны за независимость против Англии, основатель королевской династии Брюсов.

Пролог

Март 1307 года, Мосс-вуд, Лохмабен, Шотландия

Кейт казалось что ничего не может быть страшнее диких стонов и криков умирающих, но она ошибалась. Молчание мертвых оказалось гораздо ужаснее.

Скрючившись в сырой темноте старого колодца, она раскачивалась вперед и назад от ледяного, пронзительного ужаса, стараясь не думать о том, где она находится и что может ползать вокруг нее.

Ее глаза горели от слез, высохших много часов назад. Кейт плакала и звала на помощь, пока ее голос не стал беззвучным. Ей так хотелось пить, но она не смела молить о воде. Она слишком хорошо понимала, что с ней случится, если пойдет дождь. Сколько понадобится воды, чтобы старый колодец наполнился, дюйм за дюймом, пока Кейт ждет своего спасителя?

Но англичане позаботились о том, чтобы никто не нашел ее. Завершив свое смертоносное буйство, они оставили Кейт умирать. Она медленно умрет от голода или утонет — им было все равно. Это наказание за то, что пыталась спасти ее...

Из груди вырвался всхлип. Глаза снова засадило. Ее мать. «О господи, мама!»

Она закрыла глаза, пытаясь прогнать воспоминания. Но в одинокой темноте негде было спрятаться от них. Они нахлынули, прокатившись в голове лавиной свежего ужаса.

Кейт рыбачила на реке, когда услышала приближающихся лошадей. Их количество заставило волось встать дыбом. В их крошечной, изолиро-

ванной деревушке, спрятавшейся среди лесных холмов на краю Лохмабена, почти не бывало посетителей. В эти опасные времена, когда мятежный лорд Каррик (король Роберт, как он сам себя короновал) недавно возвратился в Шотландию после вынужденного бегства год назад, такое количество всадников могло означать только одно — неприятности. Либо снова люди Брюса ищут убежища в наследственных землях мятежного короля, подвергая маленькую деревню, населенную в основном женщинами и детьми, еще большей опасности; либо еще хуже — английские солдаты, расположившиеся в ближайшей крепости Брюса Лохмабен, переворачивают каждый камень и деревню в поисках отступников и бунтовщиков.

Она бросила и сеть, и удочку (и свою обувь, которую оставила на берегу) и побежала. Разум наполнился ужасом рассказов о прокатившейся новой волне английского террора. О людях, разорванных на части лошаадьми, об изнасилованных женщинах, об убитых детях, распырошенных и сожженных дотла домах — и все в попытке принудить соседей пойти друг против друга. Чтобы найти бунтовщиков и заставить их поплатиться. Кейт не испытывала теплых чувств к «королю» Роберту, но даже он был предпочтительнее английских властителей.

Господи, помоги им, если англичане узнали, что ее деревня дала приют горстке людей Брюса, выживших после резни на Лох-Райан несколько недель назад. Кейт предупреждала мать, к которой прислушивались остальные женщины, не делать этого, но Хелен из Лохмабена нелегко переубедить. Это их долг, говорила она, даже мятежный король-изгнанник все равно их господин.

Кейт уже была на полпути к деревне, когда услышала первый крик. Ее сердце в панике подскочило, и она бросилась напролом сквозь деревья и кустарник, не замечая царапавших щеки ветвей и камней, впивавшихся в босые ноги. Во время рыбалки она завязала юбки своего платья вокруг талии, обнажив более удобные штаны, которые иногда прятала под юбкой, чтобы не огорчать мать.

6 На глаза показался первый коттедж на краю деревни, принадлежавший ее подруге Джинн.

Кейт открыла рот, чтобы позвать ее, но крик застрял у нее в горле. Она замерла как вкопанная посреди дороги и почувствовала, как у нее сжимается и выворачивается желудок. Мать Джинн лежала на земле, кровь все еще струилась из ярко-алой раны на шее. Джинн лежала сверху, проткнутая в спину пикой.

Именно этого Кейт и боялась. дюжина английских солдат рылась в крошечном коттедже, словно саранча или черная оспа, оставляя позади себя только смерть.

— Если здесь нет ничего ценного, сожгите все, — произнес один из солдат. — Следующая деревня подумает дважды, прежде чем решится предложить приют бунтовщикам.

Сердце Кейт подскочило от ужаса — слова солдата не оставляли сомнений в намерениях этих англичан. Это было не просто наказание — это урок для тех, кто помогает мятежному королю.

Невиданный доселе страх охватил Кейт. Ее мать. Она должна разыскать мать. Должна добраться до нее раньше солдат. Хотя доносившиеся звуки говорили о том, что она, вероятно, уже опоздала. Англичане были повсюду.

Стараясь остаться незамеченной, Кейт кралась за деревьями; каждый шаг, каждый дом, который она миновала, подтверждал худшие опасения. Это была жестокая, кровавая резня. Солдаты не щадили никого. Старики, женщины, дети, даже младенцы были зарезаны на глазах Кейт. Двадцать семь. Столько людей оставалось в когда-то процветающей деревне. Людей, которых Кейт знала и любила всю жизнь.

«Не думай об этом сейчас». Снова подкатила тошнота, тело хотело избавиться от ужаса, но Кейт знала, что на это нет времени. Она должна успеть...

Наконец-то она заметила небольшой домик, который делила с матерью и отчимом — уже вторым, — пока того не убили прошлым летом. Если бы в легких Кейт оставалась хоть капля воздуха, она бы вздохнула с облегчением.

В отличие от остальных мазаных ивовых коттеджей, вокруг этого не было солдат. Было устрашающе тихо. Слава богу, Кейт успела вовремя.

Крик пронзил иллюзию спокойствия, словно кинжал. Ее сердце застыло в ледяном ужасе. Хотя она никогда не слышала, чтобы мать издавала подобные звуки, инстинктивно Кейт знала, что это она.

Кейт, может, и было только пятнадцать, но она навиделась достаточно войны и английских гнусностей, чтобы разум немедленно восполнил скрытую картину. Но она с силой отогнала эти мысли. «Не думай об этом. Крики означают, что она еще жива. Только это и имеет значение».

Лишь на этой мысли Кейт могла сосредоточиться, пока кралась к дому, ожидая, что ее схватят в любой момент. Ее сердце перестало стучать, и она, казалось, едва дышала, заворачивая за угол.

— Нет, прошу вас! — Перепуганный, умоляющий голос матери заставил Кейт застыть. — Пожалуйста, пощадите моего ребенка.

Кейт закусила губу, чтобы сдержать рвавшийся из горла всхлип. Ее мать была на восьмом месяце беременности, она носила ребенка ее покойного отчима. Это ее второй ребенок, которого ей пришлось ждать пятнадцать лет. Было сложно сказать, кто больше радовался будущему рождению малыша, Кейт или ее мать. Братик или сестренка, Кейт было не важно. У нее наконец-то будет родная душа.

«Пожалуйста, не трогайте их».

Скрючившись за оградой загона, где содержались их последние животные — свинья, старая коза, несколько кур и один злобный задиристый петух, — Кейт огляделась вокруг в поисках лучшего оружия, чем маленький нож, который она носила с собой за поясом, чтобы потрошить рыбу. Из кучи садовых инструментов, стоящих у задней двери, она схватила выглядевший наиболее угрожающим — тяпку на длинной ручке. Острый серп для срезки колосьев подошел бы больше, но здесь, посреди леса, у них не было никаких урожаев, кроме нескольких редких овощей, росших в их небольшом огороде.

8 Кейт услышала громкий хриплый звук, и ее воображение вырвалось на свободу. Она знала,

что это значит, но все же не была готова к тому зрелищу, которое предстало перед ее глазами, когда вышла из заднего помещения, где зимой содержались животные.

Ее мать лежала на столе, где они обедали не более часа назад, а солдат в кольчуге и бело-голубой накидке навис над ней. Он стоял спиной к Кейт, но по резким движениям его бедер между раздвинутых ног ее матери, было очевидно, что он делал. Он предплечьем сдавил горло ее матери, чтобы та не могла говорить — и дышать.

Широко распахнутые глаза матери стали огромными от нового приступа паники, когда она заметила Кейт за его плечом. Кейт услышала беззвучную мольбу уходить, бежать и не оборачиваться, оставаться в безопасности, но не могла ей уступить. Мать была единственным человеком на свете, которого она любила. Кейт не могла позволить ей умереть.

Пальцы Кейт стиснули деревянный черенок, мышцы приготовившись напрячься. Уже не в первый раз она пожелала быть больше и сильнее. Она всегда была маленькой, но голод войны и английской оккупации сделали ее стройную фигуру тощей. Но Кейт тяжело работала, и вся плоть на ее костях была мышцами.

Взывая ко всем своим возможностям, Кейт высоко подняла тятку и изо всех сил ударила солдата по голове. Но он, должно быть, почувствовал ее приближение и повернул голову, чтобы избежать удара по виску, на который она рассчитывала. Вместо этого железная тятка стукнулась о сталь шлема, однако силы удара оказалось достаточно, чтобы он пошатнулся и слетел с матери, но, к сожалению, это не свалило его с ног.

Солдат выругался и повернулся к Кейт с выражением такой ярости и злобы, что она могла бы прожить тысячу жизней и никогда не забыть его искаженного гневом лица: темные, пустые глаза, острый хищный нос, тонкие усики и аккуратно подстриженная бородка. У него оказалось тонкое изящное лицо вельможи, а не широкая тяжелая физиономия бандита, как ожидала Кейт.

Норманн, готова была спорить она. Может, не 9

по рождению, но по крови. Но его утонченные черты не могли скрыть исходившего от него зла.

Он поносил ее и орал.

Ее мать плакала:

— Нет, Кэти, нет!

Не мешкая, Кейт снова подняла тяпку. Она была так сосредоточена на своем оружии, что не слышала, как с другого конца комнаты приблизились еще двое — солдаты, которых она не заметила, нанося удар по его плечу.

Солдат издал болезненный рык:

— Уберите от меня эту маленькую дрянь!

Один из солдат схватил Кейт за руку, другой выхватил у нее тяпку. Мерзавец, насилувавший ее мать, поднял руку в стальной рукавице и сильно ударил Кейт по лицу, прежде чем она успела отвернуться. Но она все же с удовлетворением отметила кровь, струившуюся по его руке. По крайней мере, ей удалось его ранить.

Ее мать закричала и рванулась к Кейт, пытаясь закрыть ее своим телом. В этот момент начался настоящий кошмар. Несколько мгновений, которые будут снова и снова повторяться в голове Кейт. Все произошло так быстро, но все же секунды текли как часы.

Уголкем глаза Кейт заметила вспышку серебра, и злодей выхватил свой меч из болтавшихся на поясе ножен. Она открыла рот, чтобы закричать, чтобы предупредить, но было слишком поздно. Лезвие одним ужасным движением пронзило тело матери. Потрясение на лице женщины сменилось ужасом и болью, продолжавшейся, казалось, бесконечно долго.

— Люблю тебя... отец... прости... — Ее голос таял, она пошатнулась и упала на землю.

Кейт с первобытным криком вырвалась из державших ее рук, чтобы подхватить тело. Но второй солдат остановил ее прежде, чем она успела добраться до матери. Кейт дралась, как дикая кошка, но он оказался слишком силен.

— Что будем с ней делать, капитан? — спросил он монстра, только что зарезавшего единственного

оставшегося у нее на свете человека.

Мерзавец нагнулся, чтобы вытереть свой меч о платье ее матери, оставляя кричащий красный след на светлой ткани.

— Прикончите безродную дрянь. Я бы попользовался ею, но мне нужна женщина, а не жалкий щенок в штанах. Найдите мне бабу, — приказал он первому солдату.

Схвативший Кейт человек потянулся за мечом. Он держал ее словно тисками. Хотя она знала, что все безнадежно, но все же пиналась и кричала, пытаясь освободиться.

Капитан наблюдал за ней с хищной улыбкой на лице, явно наслаждаясь ее страхом.

— Погоди, — произнес он. — Я хочу, чтобы ничтожная соплячка поплатилась за то, на что осмелилась. Бросьте ее в старый колодец на улице. — Его улыбка стала шире, белые зубы оскалились, как у волка. — Пусть помучается, прежде чем сдохнет.

Прошла вечность. Кейт не знала, сколько часов миновало. Когда она отправлялась на рыбалку, было утро, а небо потемнело уже довольно давно. Последние угли от устроенных солдатами пожаров давно догорели.

Все пропало. Ее мать. Малыш. Ее друзья. Ее дом. Остался только пепел и эта ужасная яма смерти.

Кейт сдалась и больше не пыталась выбраться. Хотя свобода была всего в шести драгоценных футах от нее, все уступы, за которые можно было зацепиться руками и ногами, рассыпались под ее весом. Она пыталась упереться спиной в стену, но ее ноги были недостаточно длинными, чтобы, растянувшись, взобраться наверх.

Усталая, замерзшая и промокшая, она понимала, что надо беречь силы. Кто-нибудь придет и спасет ее. Кто-нибудь ее найдет.

Но сколько еще пройдет времени?

Каждая минута в этой дыре была пыткой. Сердце учащенно забилось в груди. Кейт ненавидела темноту, а ледяной страх стал соратником ее горя.

«Здесь нечего бояться, Киска Кэт*. Темнота не причинит тебе вреда».

* От *англ.* «cat» — кошка.

Смеющийся голос — такой знакомый даже после стольких лет — всплыл из темноты словно призрак, преследующий ее жестокими воспоминаниями.

Что заставило ее вспомнить о *нем* сейчас? Отец, ее настоящий отец, который прогонял ее кошмары, когда она была ребенком, но который бросил ее, когда ей было всего пять лет. Он-то уж точно не придет за ней.

Из глаза покатились слеза, и Кейт тут же смахнула ее рукой. Этот человек не заслуживает ее слез.

Глаза нестерпимо горели. Поначалу Кейт удавалось держать злость на привязи. Но на следующий вечер ярость вернулась. А на следующий — превратилась в панику, которая на следующий стала обидой. А на пятый обернулась самым ужасным чувством из всех — отчаянием.

Грегор Макгрегор созерцал обугленные руины деревни, его знаменитые черты были мрачны. За прошедший год войны он насмотрелся на всякие ужасы человечества, но это...

В горле образовался ком. Приходилось прикладывать усилия, чтобы удержать содержимое желудка внутри. Его спутники — особенно Йен Маклин и Юэн Ламонт, которые были здесь меньше месяца назад, — кажется, тоже держались с трудом. Когда Маклин исчез за одним из сгоревших зданий, Грегор понял, что тот проиграл битву.

— Значит, это правда, — произнес Ламонт. — Черт возьми, все правда. Кто, дьявол подери, мог сотворить подобное? — Взгляд матерого следопыта был полон неверия и ужаса. — Все эти женщины и дети! — Его голос сорвался на разъяренный шепот: — Они убили их всех...

Ламонт отвернулся. Он, кажется, не ожидал ответа, да и Грегору было нечего ему сказать. Что тут можно ответить? Да, все было правдой. Обугленные тела, брошенные гнить на каждом пороге, не оставляли сомнений.

Часть ужаса сменилась яростью. Никогда, поклялся

Грегор. Когда Брюс займет престол, такое никогда не повторится.

Полностью согласен с этим был и другой воин, Вождь Маклауд, предводитель тайного отряда короля элитных воинов, известных как Хайлендская гвардия. Он не покидал короля более чем на несколько часов за последние недели. Личный телохранитель, защитник, соратник, советник, Маклауд был всем для Роберта Брюса. И все же король послал своих самых доверенных людей проверить преданную деревню, давшую укрытие его людям после худшего поражения за весь недолгий период правления, наполненного несчастьями.

Бесстрашный западный горец, Вождь выругался, его каменное выражение обнажило редкий проблеск эмоций.

— На этот раз я хотел бы, чтобы наши информаторы ошиблись.

Грегор кивнул.

— Я тоже.

Гвардия прибыла, как только до них дошел шепот первых слухов о том, что англичане ополчились на деревню, оказавшую помощь бунтовщикам. Оставив временный лагерь в горах и лесах Голуэя, они проскакали больше сорока миль на восток через Дамрис в Лохмабен. Но у них не было ни одного шанса предотвратить произошедшую здесь бойню.

Как только Маклин возвратился к боевым товарищам, Маклауд повернулся к нему и его напарнику Ламонту. Стражники были двумя из нескольких людей, которым удалось уцелеть во время несчастья у Лох-Райан и найти здесь убежище.

— Никто не мог такого предвидеть. Это не ваша вина, ни одного из вас. Вы это понимаете?

Его голос звучал резко и властно, без всякой тени сострадания и убеждения. Ламонт и Маклин были воинами, они понимали приказы, а не воркование.

Несколько мгновений ни один из них не отвечал. Они переглянулись, затем Ламонт коротко кивнул, и его напарник через мгновение сделал то же самое.

— Хорошо, — сказал Маклауд. — Тогда давайте похороним людей как положено и вернемся к королю, чтобы сообщить, что мы обнаружили. Но

не сомневайтесь, произошедшее здесь будет отомщено. — Он повернулся к Грегору: — Собери тела и принеси сюда. — Они стояли посреди обломков деревенской церкви, опознанной только по обрывкам веревки на теле священника. — Мы втроем будем копать.

Грегор кивнул и приступил к мрачной работе по сбору обгоревших останков мертвых.

«Кто-нибудь придет за мной...»

Кейт мечтала о рыцарях из рассказов трубадуров. О сильных прекрасных воинах на белых скакунах в сверкающих латах, ярких плащах, развевающихся на ветру знаменах, спешащих ей на помощь. О благородных рыцарях. Доблестных, отважных рыцарях. О рыцарях из детских сказок. В которые она когда-то верила. О таких рыцарях, как ее отец.

— Мой отец величайший рыцарь на всем белом свете! — хвастливо заявляла она детям, дразнившим ее незаконнорожденной.

— Ну и где теперь величайший рыцарь на всем белом свете, а, Кэти? — насмеялись они.

«Не здесь».

Кейт очнулась мгновенно. Бредившая от голода и жажды, едва способная распрямиться из скрюченного положения, в котором провела бог знает сколько времени, она сперва удивилась звукам голосов. Она так долго и сильно молилась, что когда помощь наконец пришла, это показалось жестокой насмешкой воображения.

Но голоса становились все громче. Мужские голоса. Может, это снова английские солдаты? Они вернулись, чтобы мучить ее? Чтобы закончить то, что начали?

Кейт охватил панический страх, и сухие губы, уже раскрывшиеся, чтобы позвать на помощь, крепко сжались. Но потом она поняла, что должна попробовать. Если эти люди друзья, то это может быть ее единственным шансом на спасение. А если это англичане...

Может быть, они избавят ее от страданий.

Кейт открыла рот, чтобы позвать на помощь, но по какой-то злой, извращенной иронии го-

лос застрял у нее в горле. Из глаз покатались слезы страха и отчаяния. Она хотела, чтобы голос звучал изо всех оставшихся сил. Но их хватило только на слабый шепот:

— Помогите! Пожалуйста, помогите мне! — Она заплакала от тщетности своих попыток, слезы катились вниз по щекам. — Помогите мне.

Господи, этого не может быть! Она сильная. Она не должна сдаваться! Она не хочет умирать.

Кейт подумала о матери, о братишке или сестренке, которых у нее не было шанса узнать, о своих друзьях и людях, которых знала всю жизнь. Кто-то же должен о них помнить. Кто-то должен убедиться, что те, кто сотворил это, за все заплатят.

Она попыталась снова:

— Помогите! — На этот раз вышло погромче. Ненамного, но достаточно, чтобы придать ей бодрости.

Кейт села немного прямее, посмотрела вверх сквозь туннель из света и попробовала снова. И снова.

Ее попытки увенчались криком, голос, казалось, стал приближаться.

— Я думаю, там кто-то есть.

Это не было ее воображением. Кейт снова закричала, всхлипывая от надежды и страха одновременно. «Не уходите... Пожалуйста, только не уходите! Я здесь».

Собравшись с силами, она, пошатываясь, встала на ноги, держась за покрытые мхом камни, чтобы не упасть. Кейт посмотрела вверх и увидела появившуюся над головой тень. Над ней нависло смотрящее вниз мужское лицо.

Кейт пораженно вздохнула, заморгала. Почувствовала, как задрожали колени — и не от голода или измощения.

От этого лица. Самого прекрасного, которое ей доводилось видеть. Солнечный свет озарял его словно нимб, окутывая светло-каштановые волосы золотым блеском. Нос был прямым и резким, челюсть — решительной, с небольшой ямочкой и не слишком квадратной, скулы — резными и высокими, а его рот... рот был широким и полным соблазна. Глаза были свет-